

Семь дней. — 2004. —
18-24 окт. — с. 78 — 83

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ: «БЕСПЛАТНО СТАРАЮСЬ НЕ ШУТИТЬ»

«Всем лучшим в себе
я обязан литературе, —
утверждает поэт Игорь
Иртеньев. — Долгие годы
поэзия меня не только
кормила, поила,
но и воспитывала.
И воспитала. Мне удалось
избавиться от кучи
недостатков, которыми
я когда-то грешил».

ТЕТ-А-ТЕТ

— Игорь, вы стали юмористом по призванию или по обстоятельствам?

— В свое время мне очень хотелось обратить на себя внимание окружающих. Профессионально юмором я еще не занимался и, вероятно, поэтому неустанно шутил, по поводу и без повода — старался как-то выделиться в компании. Наверное, это было неосознанное юношеское стремление к славе. Да и работал я на телевидении, где все заражены «вирусом» звездной болезни. Меняться я начал, когда перешел в отдел фельетонов одной известной газеты. С той поры штатных весельчаков, достающих всех своими шутками, просто ненавижу. Как Впрочем, и сами слова «юморить», «хохмить» и, особенно, «прикалываться». Впрочем, «пошутить» меня просят не часто — при взгляде на меня эта просьба, как правило, застревает в горле. Видимо, у меня очень мрачная защитная маска.

— Маска Пьеро?

— Скорее сварщика. Так что шучу я на работе — два раза в неделю в газете, где веду колонку, и один раз — в радиопередаче. Регулярно и за деньги. А бесплатно стараюсь не шутить.

— Какая проза — деньги! А вдохновение, творческий порыв?

— А что такое вдохновение? Позыв к писанию, сродни чесотке? Но я — человек служивый, и рука у меня «чешется» исключительно в урочные дни. И так уже много лет. Для меня стихи давно стали работой. Согласитесь, не самой плохой.

— Вы сразу стали профессиональным литератором?

— Если бы! Двадцать с лишним лет назад таскал камеры в отделе хроники Центрального телевидения. В трудовой книжке я именовался «механиком по обслуживанию киносъёмочной техники», а на профессиональном жаргоне — «супертехником», или «супером». С 65-го по 84-й год возил тележки с операторами различной степени тяжести, носил за ними штативы, мог с закрытыми глазами зарядить любую камеру и помаленьку пробовал что-то та-

Игорь Иртеньев с женой Аллой Боссарт и дочерьми Яной и Верой

кое сочинять. Миша Копнев, тогдашний мой друг и коллега, тоже пописывал и подбивал меня заняться литературой всерьез. «Смотри, — говорил он, — как писатели классно живут. Бабки хорошие получают, а ни хрена не делают. Давай вместе с тобой лудить стишки!» Я тогда только начал печататься и очень обрадовался, когда знакомый писатель подбросил мне халтуру — перевод на русский язык стихов адыгейской поэтессы. Оригинал представлял собой стопку исписанных листов. «Давай поровну, — сказал мой знакомый. — Половина тебе, половина мне. Я взял верхнюю и обалдел — там все было про Ленина и про серп и молот. Я взмолился: «Про Ленина не смогу!» «Стоп! — сжалился мой добрый хохот. — Поровну так поровну! Тебе половину Ленина, и мне — половину». Я показал свою половину этого безобразия Мише

Копневу, а тот вдруг обрадовался: «Ты что! Давай сюда, я переведу!» В результате перевод делали сообща... Тогда я еще не был осведомлен о темпах нашего книгоиздания и повел себя, как чукча из анекдота, посадивший утром картошку, а вечером выкопавший ее в налужде на урожай. Кушать, как в анекдоте, тоже очень хотелось! Через две недели после сдачи перевода я стал звонить в издательство с вопросом: «Когда же мне дадут гонорар?» На меня, видимо, смотрели, как на полного идиота, но вежливо попросили подождать пару лет — авось книжка выйдет. Но вышла она только через три года!

— И начался ваш творческий путь...

— На самом деле мой «творческий путь» начинался в конторе «Мособлсправка», когда мне было 16 лет. Там я работал курьером и одновременно учился в Школе ра-

бочей молодежи. В конторе трудилась барышня, в душе которой горел неугасимый поэтический огонь. Эта патологическая графоманка терроризировала своими стихами все печатные издания, вынужденно состоявшие с ней в переписке. На работе к каждому празднику выходила стенгазета с ее виршами. Очередной «шедевр», определивший мою судьбу, появился 23 февраля. Воспроизвожу с купюрами: «Этот день нам вовек не забыть./Этот день будем помнить мы свято./Славься, наш простой советский человек!/Славься, наша родная великая армия!» В тот день я понял, что просто обязан попробовать свои силы в поэзии. И появилось стихотворение «Элегия»: «Он тихо умер на рассвете/Вдали от Бога и людей...» А потом наступила пауза длиной в... 15 лет. Я поступил на заочное отделение Ленинградского института киноинженеров и уст-

большой нос у куклы-это забавно.

A photograph of a family of four in a rustic wooden cabin. A woman with short grey hair sits on a wooden bench on the left, wearing a yellow top and a black fringed shawl. A man with grey hair sits on a wooden bench on the right, wearing a red shirt and light blue pants. Two young women stand behind them. The woman on the left wears a red patterned dress, and the woman on the right wears a white crop top and a skirt with a 'JEANS' pattern. The cabin has wooden walls, a wooden floor, and a kitchen area with a stove and shelves in the background. Two large windows with white frames are on the left and right, and two large round paper lanterns hang from the ceiling. A blue sofa is partially visible on the right.

«Обычно у нас в семье вещи загадочно исчезают и в воздухе постоянно висит вопрос: «Где?» Не получив ответа, я начинаю кричать, что кругом бардак. Алла мне вторит. Она очень «приемистая», как хорошая иномарка — сразу «берет 140 со светофора, а там и я разгоняюсь...»

*«Что сказать по поводу
своего счастья? Поэт
Иртенев доволен жизнью.
Хорошая жена, хороший
дом, хорошие дети — что
еще нужно мужчине, чтобы
встретить старость?»*

правом. Я встаю рано — часов в восемь — и сразу начинаю тюкать по клавиатуре. Девчонки мои еще спят — они поздно ложатся, и я ухитрюсь поработать в тишине. Зато когда Алла садится работать, дочки бегают по дому и орут благим матом. Иногда ей приходится от них запираяться. А в выходные к нам в Фирсановку обязательно кто-нибудь подваливает в гости. В общем, не соскучишься. Но ведь отсутствие скуки только способствует полноценной семейной жизни! Если бы мы с Аллой были замкнуты друг на друга, до добра это

нас не довело бы. А так, сидим теплой компанией и трывдим помаленьку.

— *Жизнь удалась? А ведь когда-то вы не верили в то, что это возможно: «Свой путь земной на две прошедши трети, / Познав богатство, славу и гастрит, / Одно я понял — счастья нет на свете, / И зря народ насчет него шустрит».*

— А кто говорит о счастье? Поэт Иртенев доволен своей жизнью. Хорошая жена, хороший дом, хорошие дети — что еще нужно мужчине, чтобы встретить старость? Не нужно шустрить — гоняться за химера-

ми, пихаться локтями и оттирать других в надежде урвать лишний кусок. Все в жизни приходит само — и слава, и признание, и понимание истинной ценности того и другого. Когда-то, лет двадцать тому назад, я выступал на Дне печати в Саду имени Баумана. Тогда юмористов по праздникам посылали развлекать народ на городских площадках. Мне, как начинающему, досталась самая гиблая, на Новой Басманной улице. 5 мая, весна, теплый солнечный день. На лавочках перед открытой сценой сидели два десятка человек — милиционер,

пьяный солдат, сопливые детишки с бабушками. Мои стихи им были до лампочки, а мне так нужна была тогда благодарность слушателей. И тут я заметил очень милую женщину и стал обращаться только к ней. Я говорил — она кивала. Говорил — кивала. «Вот, — думал я, — как здорово! Какое счастье, когда тебя так принимают!» А после оказалось, что у нее была болезнь Паркинсона... Вот я и говорю — не нужно гоняться за химерами.

Лана ЕЛЕНИНА
Фото Михаила КЛЮЕВА

роился на телевидение. Пойти в «технари» меня сподвигли родители — гуманитарии по образованию. Они хотели, чтобы сын получил серьезную инженерную специальность. А я — абсолютный технический идиот. Многие кофеварки, чайники и другие бытовые механизмы благополучно пали от моей руки... В институте я провел целых семь лет — шесть лет обучения плюс год «академки». Это был кошмар! Чертежи мне делали знакомые ребята, математику и физику я пересдавал по двадцать раз. Только страшный призрак действительной военной службы удерживал меня в постылом лоне высшего образования. Но о литературе не помышлял — работал на телевидении и вел жизнь, свойственную нормальному молодому человеку, владеющему собственной «хатой». Ухитрился дважды жениться... Так вот, однажды ночью — а было мне уже 32 года — я никак не мог заснуть и вдруг неожиданно написал текст про кошку, летевшую по небу, «словно птица, в сиянье грозных огней». Его напечатали. Правда, лет через семь. Зато сразу начали публиковать какие-то другие, более по тем временам проходные. Но, даже начав печататься, я еще несколько лет совмещал занятия телевидением и литературой. До той поры,

пока мои гонорары не сравнялись с зарплатой, что дало мне, наконец, возможность перейти на вольные хлеба.

— *Сейчас-то, должно быть, смешно вспоминать старое советское телевидение?*

— Конечно, многое кажется диким. Когда смотрю по телевизору фрагменты старых «Огоньков», то вспоминаю восковые яблоки, лежавшие на столах. На передних столиках у звезд яблоки и шампанское были настоящими, а дальше — у массовки — сплошная бутафория. Ситро и воск. Первое время телевизионные хитрости были мне в диковинку... Телевидение, словно огромная воронка, «всасывало» в себя самых разных людей. И многие из них — откровенно страшный секрет — очень сильно поддавали. Едва ли не в каждой операторской кабине наготове стоял стакан. На улице Королева, дом 9 находилась популярная в Останкино «автопоилка» — пивная, описанная в знаменитом романе Орлова «Альгист Данилов». В народе она именовалась «Иваном Безруким». Останкинская башня, соответственно, именовалась «колокольней Ивана Безрукого». Другим местом телевизионных выпивок был «БАМ» — откос железной дороги, проходившей рядом с теле-

центром. Многие талантливые ребята спились у меня на глазах. Меня как-то бог миловал, видимо, сказались гены. Но пьет перед народным напитком я сохранил до седых волос. И еще одну смешную вещь я заметил — стоило мне сильно с вечера переусердствовать, как утром я обязательно попадал на съемку в какое-нибудь детское учреждение, где малышня носилась, визжала и крутилась колбасой. С тех пор я, как Хармс, «терпеть не могу детей, особенно когда они пляшут».

— *Тезис «выпивать поэту надо в меру...» родился именно в такую тяжелую минуту?*

— Слова эти принадлежат не поэту Иртеньеву, а его лирическому герою. Кстати, я в подпитии никогда не пишу. Алкоголем себя не «разгоняю». Муза этого не любит.

— *Но в советские времена для занятий литературой требовалась железная печень...*

— А также чистые руки и горячее сердце... Но какие разговоры велись при этом за столами ресторана Центрального Дома литераторов! Приятно вспомнить. «Ты гений, старичок! И я гений! А этот Н. — полное дерьмо!» И так весь вечер, пока оба «гения» не падали мордами в салат. Пили

там — будь здоров. В этом-то ресторане я дал листок с одним из первых своих стихов — «Атос, Портос и Арамис однажды в баню собрались» — работавшему в «Неделе» Виталию Резникову. Хотя по профессиональным меркам это было «западло». Решать деловые вопросы в ресторане ЦДЛ считалось неприличным — люди там «отдыхали». Как ни странно, Резников не послал меня куда подальше, а сказал, что «с-с-стишок с-с-мешной». Он заикался. Через две недели стихотворение было опубликовано. И понеслось. Параллельно

я довольно продуктивно подхалтуривал на веселом радио, типа там «С добрым утром!» и все такое. Так насобачился писать рассказы, что приносил по два за раз.

— И все шло гладко — без сучка без задоринки?

— По этому поводу неплохо высказался мой «старший брат» по литературе Лева Новожинов: «В литературе все плохие и средние места заняты, а все хорошие — пусты. Вся возня идет из-за плохих и средних!» Когда мне понадобилось предисловие какого-нибудь мэтра для первой

поэтической подборки в журнале, мы с Левой запросто пошли к Фазилю Искандеру. Лева как раз накануне взял у него интервью и теперь шел на правах старого знакомого. Как светские люди, в метро мы купили букет гвоздик. Ни на какие другие знаки внимания денег у нас не было. Мы вошли в подъезд, поднялись на этаж и уже потянулись к звонку, когда два цветка из моего букета бесславно сломались у меня в руке. Видимо, они были взяты с ближайшего кладбища и прикреплены к стебелькам на иголочках на скорую руку. Букет пришлось выбросить. Фазиль Абдулович попросил нас подождать и пошел читать мои стихи к себе в кабинет. Мы сидели в соседней комнате, откуда доносилось какое-то странное похрюкивание. Оказалось, классик так смеялся. Подборка ему понравилась, и он тут же написал предисловие. С этой публикации началась моя относительная известность в жанре иронической поэзии.

— Благодаря этому жанру вы и познакомились со своей нынешней женой Аллой Босцарт? Это ей вы посвятили бессмертные строки: «Мне для Алки ничего не жалко»?

— А также другие: «И за что такую тлю я, козел, тебя люблю?!»

— К женщинам поэт Иртеньев всегда был слишком строг. Как вы писали? «20% из них — идиотки. 30% — набитые дуры. 40% из них — психопатки. Это нам в сумме дает 90. 10% имеем в остатке... Да и из этих-то выбрать непросто».

— Не надо путать поэта с его героем. На самом деле к женщинам я отношусь с питетом. Тем более к своей жене — талантливой журналистке и писательнице. А «познакомила» нас одесская «Юморина». Мы встретились в аэропорту. Я летел туда в первый раз, а Алла была «ветераном» этого движения. Прежде я видел ее пару раз и сразу обратил на нее внимание — Алла всегда была очень интересной женщиной. Но дальше случайно брошенных взглядов дело не шло. А тут мы вместе летели в самолете, разговорились и стали общаться.

— И начался роман?

— Да. Но целых полтора года наша жизнь развивалась отнюдь не по канонам безмятежной любовной идиллии. Алла была свободна, но у нее была дочка Вера. Я был женат, и у меня была трехлетняя дочка Яна. Ситуацию, известную всем по фильму «Осенний марафон», я прочувствовал на собственной шкуре и понял, что жить двойной жизнью не смогу. Расставание с женой было очень драматичным — и для меня, и для нее. Это была драма хороших людей — оба ни в чем не виноваты и оба не знают, что делать. К счастью, со временем ситуация как-то выровнялась. Конечно, Яне было трудно понять, почему папа живет в другом доме. Это было ужасно, когда она просила меня не уходить. Слава богу, у мамы хватило ума и такта для того, чтобы сохранить дочери отца. Она не стала противиться тому, чтобы мы с Аллой брали Янку к себе. А Янка очень подружилась с дочерью Аллы — Верой.

— А как Вера приняла нового папу?

— Не сразу. Да я и не всегда правильно себя вел. Зато сейчас чувствую себя отцом двух дочек — чудных и очень разных: Вера — спокойная, а Янка — моторная.

— Возникают ли в семье поэта и прозаика семейные кризисы?

— У нас в доме в воздухе постоянно висит вопрос: «Где?» Где моя футболка? где мой телефон? где мои очки? Вещи загадочно исчезают, и этот вопрос раздается утром, днем и вечером. Не получив ответа, я начинаю кричать, что кругом бардак. Алла мне вторит. Но у нас разные скорости реагирования. Алла — очень «приемистая», как хорошая иномарка. Она сразу «берет 140 со светофора», выдавая эмоции по максимуму. А там и я «разгоняюсь». Разговоры на повышенных тонах случаются довольно часто. Но всерьез ругаемся редко. Первым обычно я начинаю подлизываться.

— А я думала, что у вас тишь да гладь — сидите и пишете на пару целыми днями!

— На даче частенько так и бывает. Поэт творит в левом кабинете, прозаик — в